

— символические (ложные, демонстративные, репутация, номинация, престиж) формы социальной мобильности;

— выбор возможных источников энергетической подпитки, соответствующих социальных корпораций;

— соотнесение социальной претензии с социальными требованиями относительно динамики элементов сообщества [1, 223–226].

Как видно, уровень и качество образования совершенно не присутствуют в элементах алгоритма социальной мобильности. Реальное повышение престижности высшего профессионального образования в конце 90-х гг. прошлого века, резкое увеличение числа студентов всех форм обучения свидетельствует о некоем переломе в общественном сознании по поводу роли образования в укреплении или повышении социального статуса. Этот факт выступает и признаком некоторой социальной стабилизации, а значит, возвращения роли устойчивого канала социальной мобильности институту образования.

Динамика изменений в российском образовании в период социальных трансформаций позволяет проследить в этом процессе проявление как глобальных закономерностей, так и специфических (общероссийских, региональных) характеристик. Глобальные изменения свидетельствуют о включенности России в общемировой процесс трансформации образовательного пространства, а локальные характеристики — о сохранении своеобразия национальной системы образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Ю. Г., Мостовая И. В. Социология: Учебник для вузов. М., 1998.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. СПб., 1995.
3. Дебаты Хабитат (российская версия). Т. 6. М.: ЦООННП, 2000. № 4.
4. Маркович Д. Глобализация и экологическое образование // СоцИС. 2001. № 1. С. 17–23.
5. Становление духа университета: Опыт самопознания. Коллективная монография / Под ред. В. И. Бакштановского и Н. Н. Карнаухова. Тюмень: НИИ прикладной этики ТГНГУ, 2001. 755 с.
6. Юрлов Ф. Н. Социальные издержки глобализации // СоцИС. 2001. № 7. С. 13–22.
7. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М., 1999.

*Юлия Михайловна БЕСПАЛОВА —
доктор социологических наук,
профессор кафедры социологии
и социального управления*

О ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРАХ

Теория глобализации вызывает сегодня много споров в отечественной науке. Речь идет о приобретении мировым сообществом ряда общих черт — экономических, политических, а также культурных.

В последнее время ученые все чаще стали говорить о культурном глобализме, о взаимопроникновении и синтезе национальных культур и об образовании единой духовной картины мира.

Можно ли говорить о планетарном единстве человечества с точки зрения его культуры? Тяготеет ли множественность культурных национальных миров к глобальному единству? Развитие единой мировой культуры или становление локальных, национальных культур?

На эти вопросы можно ответить, только выяснив, что понимается сегодня под глобальной мировой культурой.

Идея универсальности, всемирности, планетарности культуры, единой линии развития человечества, ведущей к созданию общечеловеческой духовности, далеко

не нова и заложена еще в эпоху Просвещения. О формировании мирового пространства, основанного на универсалиях прогресса, равно доступного всем, о восхождении всех народов к единой мировой культуре писали в разное время Вольтер, Монтескье, Г. Лессинг, И. Кант, И. Г. Гердер, К. Ясперс, а также русские философы В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Булгаков, И. Ильин, К. Леонтьев и др. Отстаивая приоритет духовных факторов, они понимали развитие национальных культур как линейный процесс, имеющий общее смысловое завершение.

Так, русские философы писали о постепенном превращении человеческого рода в «человечество». Исходя из их взглядов, всякая культура должна стать началом вечности, всякое общество должно быть «организованным осуществлением добра», а космический смысл деятельности человечества заключается в сознательном одухотворении мира, в стремлении к «всеединству» и «всечеловечности». Вместе с тем, данные ученые говорили и о «цветущем разнообразии» культур, когда каждая национальная культура обогатит сокровищницу мировой культуры своим своеобразием и уникальностью [1].

В работах К. Ясперса в схеме мировой истории выделяются четыре периода: «прометеевская эпоха», «эпоха великих культур древности», эпоха «духовной основы человеческого бытия» («осевое время») и эпоха «развития техники» [2]. Становление глобальной культуры происходит, по его мнению, в эпоху «осевого времени», когда разрабатываются основные культурные категории, закладываются основы мировых религий, совершается переход к универсальности во всех направлениях.

Противоположность Востока и Запада, по Ясперсу, не абсолютна. Общие духовные корни позволяют найти способы коммуникаций, диалога, разрешения конфликтов и создания единого культурного пространства. Чтобы спасти свою человеческую сущность, общество должно обновить связь с «осевым временем», возвратиться к его «изначальности», подыскивая для постоянно теряемой и вновь обретаемой истины все новые основания.

Современная техническая эпоха, исходя из теории Ясперса, не только должна создать для человечества новые источники энергии, технологии, информации, но и подготовить возникновение новых великих культур, заложить основу для нового «осевого времени», подлинного единства человечества.

Таким образом, глобализация в сфере культуры, прежде всего, означает жизнь мирового сообщества наций, этносов и стран в рамках единого, общепланетарного, земного сообщества людей на основе лучших традиций культуры, общечеловеческих ценностей, ответственности, равенства, солидарности, справедливости и сочувствия. «Планета людей» — это выражение А. Сент-Экзюпери стало очень важным для обозначения современной эпохи. XX век, породив множество проблем, заставляет человечество искать новые способы объединения, в том числе и в духовной области. Вместо обществ-стран, которые продолжают стремиться к могуществу и не в состоянии сформировать благоприятную для всех среду, человечество начинает делать ставку на мировое содружество (мировое общественное мнение против терроризма, ядерной опасности в защиту прогресса, справедливости, прав человека, окружающей среды и т. д.). Однако важнейшим потенциалом мирового сообщества является способность к индивидуализации, к росту национального культурного своеобразия. Если мир будет представлен множеством национальных ценностей, то он лучше всего сумеет подойти к эпохе «сложного цветения» единой культуры.

Вместе с тем, сегодня вызывает большое опасение скрытая сторона призывов к глобализму, в первую очередь, в области культуры. Призывы к единой мировой культуре имеют двойное дно. Безусловно, внешняя сторона их выражает все прежние устремления эпохи Просвещения, но внутренняя — понятна только посвященным. Она заключается в позиции последовательного отстранения от основных национальных ценностей, норм и традиций.

Представители мировой глобальной элиты работают над формированием корпоративной культуры с особыми моральными нормами, которые очень далеки от ожиданий народов, никак не связаны с национальными интересами, но полезны и удобны для членов данной интернациональной корпорации. Глобализация для них — это, прежде всего, привилегия «золотого миллиарда», игра с нулевыми суммами, преградами к которой выступают национальные культуры, апеллирующие к социальному служению и ответственности.

Нужно отметить и тот тип культурного глобализма, который основывается на монопольном превращении норм одной культуры в общечеловеческие ценности. В настоящее время общество обеспокоено «американизацией», вестернизацией культуры, возможностью утраты русской культурой своих исконных особенностей. Западный вариант модернизации российского общества, избранный в последние десятилетия двадцатого века социал-реформаторской элитой, поставил в повестку дня коренное изменение менталитета народов России, а следовательно, и традиционных для нашего общества ценностей. Утопизм такого подхода очевиден. Однако сегодня уже есть достаточные основания считать, что в современной России существуют две альтернативных системы ценностей. С одной стороны, это западные ценности — гедонизм, рационализм, утилитаризм, а с другой — те ценности, которые сохраняют связь со своей исторической почвой и ментальностью народа. Вторая сторона рассматриваемой дихотомии существенно ослабляется «новорусскими» средствами массовой информации. Выполняя заказы идейно и социокультурно отстраненной от интересов народа элиты, они беззастенчиво уверяют общественность в том, что «в условиях рынка» процессы глобализации и переориентации культуры на западные ценности «непреложны», «объективны» и необходимы.

С нашей точки зрения, проблема состоит не в том, признаем ли мы глобальный, тесно переплетенный в своих судьбах, имеющий общие духовные задачи мир. Проблема в том, каким мы хотим его видеть. Либо основанным на диалоге, партнерстве, уважении к национальным интересам и ценностям, либо подчиненным своекорыстным целям бесконтрольных мировых олигархов, диктующих национальным государствам свою волю и уничтожающих самостоятельные ростки культуры в тех обществах, которые не принадлежат к кругу избранных [3].

В этой связи нужно обратить внимание на мысли тех выдающихся специалистов в области культуры, которые, основываясь на принципиальном единстве человеческого рода и единстве исторической перспективы, тем не менее, писали о самобытном развитии национальных культур, каждая из которых имеет свою особенную жизнь, свои неповторимые ценности. Это Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Э. Трельч, Л. Гумилев и др. С точки зрения Н. Я. Данилевского, стремление к однополярному культурному миру означает «...довольствоваться общим местом, бесцветностью, отсутствием оригинальности, одним словом, довольствоваться невозможной неполнотой» [4]. Данилевский настаивал на «самобытности» человечества, для него подлинными творцами истории выступают достигшие зрелого состояния национальные культуры.

О. Шпенглер уподоблял национальные культуры живым организмам. Каждая культура является проявлением внутреннего строя коллективной души народа, стремлением народа к самовыражению. Он писал о множестве мощных культур «...каждая из которых налагает на свой материал — человечество — свою собственную форму, и у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь...» [5]. По Шпенглеру, каждой из великих национальных культур присуще особое мироощущение, свой вдохновляющий ее «первосимвол», понятный только тому, кто к этой культуре принадлежит, благодаря которому она живет, чувствует, творит.

Ядром любой национальной культуры, сохраняющим ее целостность и единство, выступают ценности. Они организуются в систему только в рамках определенного

культурно-национального контекста. Универсальными, необходимыми во всех культурах являются сходные по содержанию или в основном сходные ценности (любовь, добро, красота). Они вечны и обязательны, однако их конфигурация, соотношение и взаимодействие различны и являются продуктом той или иной культуры.

Каждая культура имеет свои уникальные ценности, воплощающие ее суть, в первую очередь пространственно-временную. Благодаря этому, обеспечивается неповторимый облик каждой культуры, ее целостность и выживаемость, что позволяет ей, с одной стороны, взаимодействовать с другими культурами, с другой — сохранять свою специфичность. Универсум ценностей одной культуры нельзя полностью перевести в универсум ценностей другой культуры. Размывание ценностного ядра культуры, подмена «своих» ценностей «чужими» особенно ярко происходит в периоды социальных кризисов или конфликтов. Описывая это состояние, Э. Дюркгейм назвал его термином «аномия», что обозначает ценностно-нормативный вакуум, характерный для переходных и кризисных периодов [6]. Основные ценности ядра культуры невозможно изменить ни доказательствами их несостоятельности, ни демонстрацией более привлекательных ценностей. Изменения эти происходят медленно, даже при целенаправленном мощном воздействии. Полностью разрушаются ценности только с исчезновением самой культуры. Заимствованные ценности должны всегда соответствовать духу культуры, ее характеру и индивидуальности.

Единственное, на что можно рассчитывать при «импортировании» западных ценностей в русскую культуру, так это на заимствование, подражание, бесперспективное «догоняние», в силу отсталости и замыкания национального культурного сообщества в границах собственной неполноценности. Усвоение чужих ценностей является усвоением лишь суррогата культуры, когда довольствуются ее «статикой», застывшим состоянием. «Динамика» же культуры, т. е. ее способность самостоятельно развиваться дальше, оказывается недоступной народу, который не участвовал в ее создании.

С нашей точки зрения, наиболее правильным подходом в ситуации размывания ценностного ядра русской культуры может быть развитие национальных культурных ценностей, нахождение неизученных пластов культуры, что позволяет обрести как черты ее уникальности, так и универсальности.

Пространственный анализ явлений русской культуры позволяет приблизиться к исследованию проблем, долгое время бывших в тени, а именно к изучению связи пространства, в котором живет и развивается народ, с особенностями его духовной культуры, ценностями, образом мысли, складом характера, чувствами, потребностями. Однако, исследуя пространство русской культуры, мы не должны забывать о едином Большом пространстве и едином в своей направленности Большом историческом времени.

Единство русской культуры диалектически связано с многообразием ее содержания и форм. Пространственная «пестрота» России делает эту связь значительной и требующей постижения.

О связи пространства (территории, ландшафта, природного окружения, «места») с культурой народа писали представители различных направлений науки. Основы пространственного подхода заложили представители диффузионизма, сторонники концепции культурной морфологии (Л. Фробениус), теории культурных кругов (Ф. Гребнер), культурно-исторической школы этнографии (В. Шмидт), социальной географии. В русской философской, социологической и исторической мысли авторами пространственного подхода были евразийцы (например, Н. Алексеев), П. Чаадаев, Н. Бердяев, И. Ильин, Л. Мечников, Г. Федотов, М. Бахтин, а в современной науке — Ю. Бромлей, Л. Гумилев, Д. Лихачев, Ю. Лотман, Г. Гачев, А. Дугин, Ю. Федоров, С. Иконникова, М. Ганопольский и другие.

Отмечая влияние необъятных просторов страны на многостороннюю внутреннюю, духовную жизнь русского народа, его психологию и культуру, Н. Бердяев пи-

сал: «Широк русский человек, широк, как русская земля, как русские поля...» [7]. По Бердяеву, необъятные пространства страны — не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор жизни народа. Отсюда философ делает выводы о широте и многообразии души народа, о ее сильных и слабых сторонах, отразившихся в культуре.

Пространственная характеристика России включает в себя представления о бескрайности, широте и бесконечности российской территории, о суровой и вместе с тем прекрасной русской природе и о множестве народов, составляющих единый русский народ.

Так, И. А. Ильин говорил, что ни один народ в мире не имел такого бремени и такого задания, как русский народ. Он называет три бремени: бремя земли, необъятное, непокорное, разбегающееся пространство, бремя природы, суровость которой стала нашей судьбой, и бремя народности, масса племен и наречий [8]. В последнее время прибавилось и бремя индустриализации, создавшее особую духовную ситуацию в современной России.

В пространствах России, ее просторах, суровом климате содержится смысл, организующее начало русской культуры, заставляющее людей стремиться к коллективной поддержке, взаимопомощи, участию в судьбе другого, что и объединяет русских людей не на основе ценностей индивидуального интереса и пользы, а на основе причастности к общему делу.

Пространство включает в себя географические, экономические, политические, технические, экологические, социологические, культурные и региональные составляющие и одновременно не сводится к ним. В настоящее время многие ученые обращаются к понятию культурного пространства. Проблема культурного пространства имеет междисциплинарный характер, а ее исследование становится особенно актуальным в современной России. Понятие «культуросферы», тесно связанное с географией, политическими, экономическими, региональными, этническими особенностями территории, где живет народ, приобретает особый духовный смысл.

Пространственный анализ необходим и при изучении социально-экономических систем. Культурное пространство влияет на хозяйственные навыки, деловые склонности населения, восприимчивость к тем или иным экономическим инновациям. Ученному, исследующему социально-экономическую или социально-политическую проблему, важно использовать основные, прежде всего, классические теории пространственного анализа. Иначе работа неминуемо сводится лишь к узко-экономическим и узко-политическим факторам. Подход к пространству лишь с точки зрения экономических и политических технологий говорит об утрате духовного, человеческого измерения цивилизованного пространства, неучтении сложной природы жизни пространственного социума. Важно изучение культурного пространства и с точки зрения таких его характеристик, как гомогенность или гетерогенность. Если ранее российское культурное пространство было преимущественно гомогенным, то в постсоветский период наблюдается резкое смещение в сторону гетерогенности.

Культурное пространство способно проникать в другие виды пространства и взаимодействовать с ними. Так, оно сосуществует с более широким социальным пространством, пересекается с жизненным пространством, но выходит за его пределы. Культуры ушедших народов, особенно те, что не получили продолжения и развития, а были открыты спустя века после их появления, существуют вне своего жизненного пространства, но в границах культурного пространства. Через культурное пространство идет процесс взаимодействия, взаимовлияния и диалога культур.

Пространство является «вместилищем» и внутренним объемом культурных процессов. Оно характеризует культуру с позиций ее расположения, протяженности и насыщенности. Пространство гранично, оно имеет свои очертания и определенные барьеры, отделяющие одну культуру от другой. Эти границы могут иметь реальное

материальное или идеальное содержание. Границы культурного пространства подвижны, они могут сужаться и расширяться, тем самым утончая или углубляя сам культурный слой внутри этих границ.

Культурное пространство объемно, целостно и монолитно, но, вместе с тем, оно многослойно, многомерно и мозаично, на различных его участках сосуществуют качественные различия культуры. Однако каждое культурное пространство — это единое целое, составные части которого объединены общими ценностями. Пространство динамично. Оно уникально и неповторимо. Пространство не только формирует особые человеческие типы и стили поведения людей, но и объединяет людей, населяющих его, чувством особого переживания пространства. Культурное пространство — это не только непосредственное место жизни, но и весь мир как «среда одухотворенного обитания» [9].

На свойства культурного пространства особо влияет его величина. На небольших площадях может существовать более богатая по своему содержанию культура, но может быть и наоборот. Однако физические параметры пространства в большой степени влияют на культуру народа, существующего в нем. В культурном пространстве, таким образом, выделяется некий аспект, связанный с самосознанием индивида или социума. Следует отметить тот факт, что пространство России, которое до настоящего времени воспринималось как естественным образом наличествующее, «природное», лишившись насыщавшей его энергии «собирателя», получило в настоящее время тенденцию «сжатия» или «усыхания», что особым образом отражается на русском национальном самосознании.

Существует важный аспект проблемы культурного пространства — аспект региональный, суть которого состоит в соотношении общего и отдельного в культурной сфере. Универсализация культуры диалектически связана с многообразием ее содержания и форм. Региональная «пестрота» России делает эту связь более углубленной и значительной. Централизация, абсолютизация общего, единства, целостности пространственных границ русской культуры представляет собой сложное сочетание положительных и отрицательных моментов. Позволяя концентрировать творческие силы и материальные возможности для выполнения масштабных культурных проектов, обеспечивая усвоение и широкое распространение наиболее совершенных форм культуры, централизация в то же время ведет к глубокой провинциализации культуры, к ее усреднению, к изоляции региональных культур и гибели культурных ценностей. Причем вторая составляющая особенно ощутима. За многие годы после революции сложилась практика подавления и искусственного выравнивания культуры, подгонка ее под единый стандарт. Безусловно, русская культура универсальна, она исторически сложилась и представляет собой уникальную, неповторимую целостность и органичность, внутренне содержит в себе то, что позволяет населению жить духом целого, а не духом части, но вместе с тем она самобытна, имеет свои внутренние смыслы, кроющиеся в ее территориальных особенностях. Русская культура — это не косное и застывшее образование, а образование, способное к постоянному росту и обновлению.

Ряд культурных стилей, жизненных форм, культурных моделей имеет региональный, даже локальный характер. Региональная культура проявляет себя в глубинах неоднородности массового сознания, ценностных ориентациях, парадигмах поведения людей, в мировоззренческих и поведенческих стереотипах.

Регион — это духовный потенциал страны, источник ценностного разнообразия культуры, поддерживающий ее целостность, сохраняющий и обогащающий культуру. Как культурный потенциал России регион может реализовать свои ценности лишь при условии равноправного диалога с другими пространственными частями российской культуры. Существует два мифа, бытующих в общественном сознании, публицистике, литературе, науке. Первый представляет региональную культуру как идеа-

лизированное культурное пространство, хранящее и оберегающее все лучшее, духовное и самобытное. Второй изображает ее как застойное замкнутое явление.

Региональная культура — многозначное понятие. Она есть особый мир и характеризуется, с одной стороны, уединенностью, замкнутостью, заикленностью на повседневности, стремлением сохранить определенный иммунитет к нововведениям. Она порой плохо восприимчива к инновациям, чужим ценностям, тяготеет к своеобразному преломлению ценностных систем. С другой стороны, это открытая культура, стремящаяся к диалогу с другими культурами, к постоянному приращению ценностного богатства.

Региональная культура обращена как вовнутрь, так и вовне. Это культура, чувствующая одновременно и внутреннюю исключительность, и в то же время неполноценность по отношению ко всему остальному миру. Это и кладезь духовности, и основа российского бескультурья, вандализма, безнравственности, которые вызваны отходом от одной культурной среды и не вхождением в другую.

Однако важнейшими чертами региональной культуры остаются ее открытость, стремление к приращению ценностей, созданных как внутри, так и вне данной культуры.

В условиях переходного периода выявление смыслообразующих основ российской культуры приобретает особую значимость. По существу, это вопрос, от которого зависит выживание России, ее великое будущее. Задача видится в способности русской культуры вырабатывать идеи и формы возрождения путем культурного полицентризма, т. е. интеграции ценностей из региональных и локальных культур. Оптимистический взгляд на возможность обновления культуры России за счет ценностей региональных культур не может не сочетаться с опасением, что за долгие годы монопольного подхода к культуре региона ее лишили многих созданных ценностей. Нельзя забывать, что регион может служить культурным резервуаром страны, но может, одновременно, и негативно влиять на культуру. В этом смысле особые меры должны быть предусмотрены в сфере сохранения наследия и самобытности.

С нашей точки зрения, все сферы общества, в том числе и региональные, должны рассматриваться с позиции их внутреннего культурного потенциала и участия в процессе духовного развития и возрождения российской культуры. Востребованность в нынешних условиях со стороны россиян региональной, этнокультурной идентификации должна найти свое выражение в активном изучении корней, традиций, самобытных культур.

Активной, деятельной частью регионального культурного пространства, началом происходящих в нем изменений являются региональные города. Им свойственна огромная сила преобразований. Города, связанные общим местом, территорией, выступают элементами регионального пространства, обеспечивают взаимодействие его разнородных частей и, вместе с тем, способствуют сохранению, накоплению и углублению территориального разнообразия.

Разнообразие городов и их культурная «пестрота» зачастую подчинены единой и устойчивой региональной основе. Существующие различия имеют общее региональное содержание. Города воспринимают и усиливают характерные черты региона, служат зеркалом его культурных особенностей. Города соединяют в себе историческую память этноса, особую природно-географическую среду, экономическую и духовную наполняемость регионального пространства. Они вбирают и несут в себе его суть.

Роль городов в культурном пространстве связана, в первую очередь, с местом их существования, восприятием и переживанием этого места, а также с такими понятиями, как «дух места», «природа места», «имя места», «зов места». Место связано с его пониманием, ощущением, любовью к нему. Так, существуют «поэзия места», «влюбленность в место», которые выступают и как эмоциональные категории, и как знания [10]. Место может быть импульсом и причиной деятельности. Вся региональ-

ная культурная среда представляет собой множество мест, связанных между собой особой сетью коммуникаций.

Региональные города многолики, многозначны и безгранично разнообразны. Их культура обладает как общими, типичными, так и особенными, индивидуальными чертами. Города связывают в себе традиционные и инновационные начала. Каждый город имеет свое неповторимое лицо, свое собственное «я», у него есть свое имя и биография, характер и судьба. Индивидуальность городов, их отличительные особенности, нестандартность порождают любовь и тягу к ним. Сила притяжения существует уже в самом названии региональных городов [11]. Городская среда становится для человека источником значимых воздействий культурных, творческих, профессиональных, коммуникативных и информационных. Городская культура формирует ценностные установки, дает психологические импульсы, ориентации поведения, модели личности.

Такой подход означает не раздробление культуры, а, наоборот, выявление ее потенциальных ценностных богатств.

При исследовании региональной культуры важно учитывать следующие аспекты: первый, характерный для всех стран и эпох, когда развитие государственности породило различия между регионами; второй, связанный со специфическими национальными и этническими особенностями, т. к. каждый регион в России имеет свой особый неповторимый смысл. Изучение региональной культуры, с нашей точки зрения, должно включать исследование ее как особой социокультурной системы, своеобразно преломляющей весь комплекс ценностей и, с одной стороны, включающей весь макрокосм мира и микрокосм личности, с другой — замкнутой и поэтому ограниченной. Необходимо и эмпирическое исследование региональной культуры, которое давало бы возможность описания конкретных региональных особенностей, выявления региональных способов жизни, мышления, формирования ценностей. Важен и историко-антропологический анализ, позволяющий рассматривать развитие региональных культурных систем во времени, а также определять особую значимость в них человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Соловьев В. С. Сочинения: В 2-х т. М., 1990. Т. 1. 892 с. Т. 2. 822 с.; Леонтьев К. Избранное. М., 1993. С. 21.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 33-54.
3. См.: Панарин А. С. Испытание глобализмом. М., 2000. 281 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 508, 124.
5. Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 56.
6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С. 331.
7. Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 64.
8. Ильин И. А. О России. М., 1991. С. 12.
9. Иконникова С. Н. Архитектоника и динамизм культурного пространства России // Гуманитарные науки. 1997. № 2. С. 93-97.
10. См.: Глазычев Л. В. Дух места // Освобождение духа. М., 1991. С.138-187.
11. См.: Лапло Г. М. Рассказы о городах. М., 1976. 218 с.